TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893. a. VIHIK **620** ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893 г.

ТИПОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ТАРТУ 1983

К ИСТОРИИ СЛАВЯНОФИЛЬСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ 1840-х — 1850-х ГОДОВ

П. С. Рейфман

Статья пятая

В предыдущей статье, посвященной анализу «Молвы», рассматривался вопрос об отношениях славянофильской газеты с революционно-демократической периодикой, о полемике с «Современником». Однако не эта полемика была для редакции «Молвы» главной. Основным объектом полемических нападений издания К. Аксакова был катковский «Русский вестник», с содержанием которого связано большинство затрагиваемых «Молвой» предметов спора. Выше уже упоминалось об отзывах на статью С. М. Соловьева «Шлёцер и антиисторическое направление», об «Юридических заметках» Н. И. Крылова, о выступлениях, посвященных положению женщины в «древней России» (см. статью третью). «Молва» и «Русский вестник» высказывали в данных случаях каждый раз воззрения, диаметрально противоположные.

Полемика с «Русским вестником» начинается с первых номеров «Молвы». В «Обозрении современных журналов» № 1 тон ее довольно умеренный, но уже здесь идет речь о западнической ориентации «Русского вестника». В «Обозрении современных журналов» № 2 редакция еще утверждает, что «Русский вестник» бесспорно занимает первое место среди русских журналов, что успех его закономерен, объясняется серьезным направлением. Обозреватель «Молвы» хвалит многое из того, что напечатано в журнале Каткова («Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина, воспоминания Анненкова о Станкевиче, статьи В. П. Безобразова). Но уже в этом «Обозрении...» резко осуждаются статьи «Духовные и договорные грамоты Великих князей» Б. Н. Чичерина и «О духовной администрации в древней России» А. В. Лохвицкого. Редакция «Молвы» обещает дать позднее подробный ответ на них. Говорится и о «дикой» статье Буслаева о Горе-злосчастьи.

В дальнейшем полемика все обостряется. По поводу упреков

редакции «Молвы» в адрес Буслаева и Лохвицкого «Русский вестник» обвиняет газету Аксакова в бездоказательности. В № 7—8 опубликованы «Изобличительные письма» Байбороды-Каткова. В них с едкой иронией упоминается о «Молве», ее воинственности, нападках на сотрудников «Русского вестника». В ответ в № 5 «Молвы» Аксаков печатает заметку «Два слова «Русскому вестнику»». Против «Изобличительных писем» Байбороды в «Смеси» № 7 выступает автор «Письма к редактору «Молвы»», скрывающийся за характерным псевдонимом «Бывший доселе почитатель «Русского вестника»». В этом же номере в заметках «От Молвы», «Письмо к редактору», «Заметки» осуждается статья «Физиология кружка» Ярослава, напечатанная в № 9 «Русского вестника» и направленная против славянофилов. В ней содержались, в частности, резкие выпады в адрес «Молвы», о которой говорилось как о «несчастном и жалком изданьице, испортившем собою добрую память о когда-то выходившей в Москве другой «Молве», не похожей на эту» [1].

Значительное место в полемике «Молвы» с «Русским вестником» занимают выступления по поводу статьи ориенталиста В. В. Григорьева «Т. Н. Грановский и его профессорство в Москве». Статья была опубликована в «Русской беседе» (1856, кн. III—IV) и вызвала оживленные споры. Автор ее знал Грановского, переписывался с ним. На материале этой переписки и была построена статья Григорьева. Автор приводил интересные сведения о Грановском, отзывался о нем в общем сочувственно, отмечая его трудолюбие, душевную тонкость, доброту, серьезные знания. Но в истолковании деятельности Грановского Григорьевым сказались и тенденции, близкие славянофильской доктрине. Публикация статьи именно в «Русской беседе» усугубляла такие тенденции. По мнению Григорьева, Грановский слишком безусловно увлекался всем немецким, западной философией, Гегелем; он сильно «онемечился» (IV, 5) и стал не столько подлинным ученым, сколько пропагандистом в русской ориенталистике зарубежных теорий, «пассивным передатчиком усвоенного им материала, не судьею дела, а докладчиком фактов и выработанных другими воззрений на них. Я не нахожу в нем самостоятельности, тем менее оригинальности мысли» (IV, 56—57).

Такое положение вещей, с точки зрения Григорьева, — результат не только личных качеств Грановского, но и общего состояния русской науки, склонной к увлечению всем иноземным, не жалующей родного; в подобном увлечении есть своя сильная сторона, определяемая жаждой к усовершенствованию, враждебностью к собственным порокам и недостаткам; но оно же превращается в своего рода духовную болезнь, не встречаемую у народов сильных и самобытных.

[1] «Русский вестник», 1857, № 9. Совр. летопись, с. 51.

Увлечение немецкой ученостью, по Григорьеву, объясняется также низким уровнем русского образования, на фоне которого и не бог весть какие ценности кажутся поразительными. Чтобы преодолеть такое отношение, перестать быть покорными учениками Европы, надо много и серьезно учиться (IV, 30).

Григорьев не отрицает значения Грановского, его плодотворного влияния на студентов, но это влияние он объясняет нравственными качествами Грановского, а не его учеными заслугами. Не воззрения, не умственное превосходство сделали его руководителем партии, а внутренняя чистота, мягкость, то, что он «не давит», «не колет» (IV, 55). Именно эти качества особенно симпатичны Григорьеву в Грановском, как и в Станкевиче, именно их автор статьи подспудно противопоставляет поведению современных поклонников Грановского, кругу «Русского вестника», а, возможно, и «Современника».

В статье Григорьева явно недооценивалась деятельность Грановского как ученого, однако враждебного отношения к Грановскому в ней не ощущалось, не во всем была она ошибочной, ставя серьезные проблемы развития русской науки, приводя ценные факты из биографии Грановского. Но многими почитателями Грановского выступление Григорьева было истолковано как клеветническое. В «Заметках о журналах» за декабрь 1856 г. («Современник», 1857, № 1) Чернышевский отмечал, что статьи Григорьева «возбудили много толков», что многие увидели в них «следы какой-то вражды против Грановского, какого-то желания унизить его»[2]. Чернышевский не высказывает своей точки зрения, хотя и не одобряет «удалого тона, в котором написаны эти воспоминания, и довольно частых панегириков автора самому себе»[3]. В то же время Чернышевский называет воспоминания Григорьева драгоценными, так как они содержат очень много интересных фактов.

В № 6 «Русского вестника» за 1857 г. против Григорьева выступил Н. Ф. Павлов с памфлетной статьей «Биограф-ориенталист». Он обвинил Григорьева в том, что тот использовал воспоминания и письма Грановского для самовосхваления. Павлов доказывал, что никакого другого пути, кроме следования европейской науке, для русской науки нет.

Редакция «Молвы» с первого номера вступается за Григорьева, резко осуждает Павлова. В «Заметках», помещенных в «Смеси» этого номера, с иронией говорится, что Павлов, видимо, ориенталист, но до сих пор ловко скрывал это. Автор «Заметок» намекает, что Павлов не сведущ в тех вопросах, о которых берется судить, критикуя Григорьева. В заметке «Слухи и толки», в

---

[2] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15 тт., М., 1939—1953 т. IV, с. 692. Далее: Чернышевский.

[3] Там же.

«Смеси» № 4, вновь с насмешкой упоминается статья Павлова. Здесь же опубликована статья П. Савельева «Фельетонист-ориенталист», в которой Павлов обвиняется в фальсификации фактов, в неуважении к русской ориенталистике. Тот же автор мимоходом осуждает Павлова в «Библиографии» № 5. О полемике с Павловым идет речь в «Письме к редактору» № 7. В «Смеси» №№ 10, 11 опубликована большая статья П. Савельева «Пояснения и заключение к статье «Фельетонист-ориенталист»». Автор ее, сам ориенталист, вновь возвращается к спору о Грановском, к воспоминаниям Григорьева, к фельетону Павлова. Он утверждает, что Григорьев относится к Грановскому с сочувствием, хотя и не слагает ему панегирика и прав в этом. В статье Григорьева, по мнению Савельева, поставлено много важных вопросов: об отношении русских к иностранному образованию, о назначении ученых, их воспитании и т. п. Оппоненты же Григорьева отмахнулись от этих вопросов, свели спор к обвинениям Григорьева в самохвальстве, в стремлении доказать, что он выше Грановского. Савельев упрекает Павлова за фальсификацию, доходящую до прямой клеветы на Григорьева.

В № 13 за подписью «Корреспондент» помещена заметка «Наши и ваши (фотография кружка)» с резкой критикой № 9 «Русского вестника», его выступлений о статье Савельева, его деления людей на две группы: *наших*, которые безудержно восхваляются, и *не наших*, которых столь же безудержно клеймят. Автор заметки, присланной из Калязина, говорит, что подобная полемика производит грустное впечатление на провинциального читателя.

В дальнейшем к спору с «Русским вестником» редакция «Молвы» возвращается почти в каждом номере, вплоть до прекращения газеты. Полемика сосредоточена, главным образом, вокруг имен Крылова, Соловьева, Буслаева, Забелина, Григорьева, Павлова, Скальковского, Каткова-Байбороды. Можно утверждать, что враждебная «западническая» теория в восприятии «Молвы» воплощается в первую очередь в выводах «Русского вестника». Неприятие этих выводов было, в основном, ошибочным, отражало ограниченность позиции славянофилов. Не случайно Чернышевский, останавливаясь на полемике, солидаризовался с мнениями «Русского вестника», сурово осуждал «Молву»[4].

Но нужно помнить и следующее: полемика не касалась политических проблем; обе стороны не принимали идей революционного отрицания, каждая из них осуждала другую за «отрицательное» направление; выводы, защищавшиеся в это время в журнале Каткова, не противоречили коренным образом более поздней

[4] Там же, с. 779.

эволюции «Русского вестника»; и не совсем случайно, что наиболее резко формулировали их Н. Ф. Павлов — в будущем издатель официозного «Нашего времени», Катков, Чичерин, выступившие вскоре застрельщиками «антинигилистической» баталии; в доказательствах сотрудников «Молвы» имелось свое рациональное зерно; их позиция была ошибочна, но вовсе не безусловно реакционна, как и мнения их противников не безусловно прогрессивны.

Начиная издание «Молвы», редакция ее всячески подчеркивала, что направление новой газеты преимущественно литературное и литературно-критическое[5]. Содержание «Молвы» формально соответствовало такой заявке. «Библиографическое обозрение», «Библиография» были в числе важнейших постоянных отделов, без которых не обходился почти ни один номер газеты. Нередко появлялись в ней и материалы под рубрикой «Критика». В «Молве» печатались статьи под названиями «Критические письма» (№ 5), «Антикритика» (№ 6), «Литературное известие» (№ 3) и др. Редакция сообщает читателям множество библиографических сведений, относящихся к истории русской литературы. Так в №№ 3—5 помещена большая статья М. Н. Лонгинова «Драматические сочинения Екатерины II», посвященная библиофилу и библиографу С. Д. Полторацкому. Позднее редакция вводит специальную рубрику «Библиографические заметки», тоже посвященную Полторацкому, которую ведет библиограф Н. Н. Голицын. В № 23 он приводит сведения о Б. В. Голицыне, военном деятеле и переводчике конца XVIII — начала XIX в., об «Анакреонтической оде», написанной в конце XVIII в. поэтом Н. Е. Струйским. Такого же рода «Библиографические заметки» Голицына помещены в №№ 25, 26, 28. Речь здесь, как правило, идет о забытых именах и произведениях старой русской литературы. В последних номерах «Молвы» (№№ 28—30, 32—35) под рубрикой «Библиографические заметки» Голицын публикует «Список русским писательницам» (см. статью 3, с. 13). Уже в «Библиографическом обозрении» № 1 редакция обещала знакомить читателей со всеми замечательными новыми книгами, публиковать регулярно критические статьи.

И все же на самом деле вопросы литературы и литературной критики занимали в «Молве» явно второстепенное место, отодвигаясь на задний план общественными проблемами. Даже в библиографических обзорах, часто довольно объемистых, больше всего внимания уделялось сочинениям историческим, по юриспруденции, экономике, сборникам документов, всякого рода научным трудам.

---

[5] О литературно-критических воззрениях славянофилов см. Ю. Янковский. Патриархально-дворянская утопия, М., 1981, главы девятая-одиннадцатая.

Это не означало, что вопросы художественной литературы не находили отражения в «Молве». Но они, вопреки заверениям программы, не стали в ней главными. К тому же литературный материал, как и остальной, был подчинен, как правило, общим мировоззренческим установкам славянофилов.

В газете помещались известия о литературных явлениях, связанных с жизнью допетровской России. Редакцию интересовало все, что относилось к народному творчеству, к древней русской литературе. Отсюда внимание к фольклорным сборникам, к собиранию народных песен и сказок (см. статью 3, с. 14—15). «Библиографическое обозрение» № 1 открывалось весьма сочувственным отзывом о книге А. Н. Пыпина «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских», вышедшей в Петербурге в 1857 г. Обозреватель не соглашался с отдельными частностями книги, но горячо приветствовал ее появление.

В № 9 Аксаков публикует статью «Два слова о статье г. Буслаева «Древняя русская словесность»», используя литературные тексты для доказательства того, что в допетровской России не было пренебрежительного отношения к женщине (см. статью 3, с. 10). Подобным же образом привлекался литературный материал в статье «Замечание на статью Буслаева» (№ 22).

Внимание редакции «Молвы» привлекают и более новые литературные явления. В «Библиографии» № 8 с похвалой сообщается о новом издании сочинений Жуковского, редакция обещает поговорить позднее о нем подробнее. Обещание выполняется в «Библиографии» №№ 11 и 14, в статье К. А. (К. Аксакова) «Сочинения Жуковского». В ней идет речь о 10—13 тт. собрания сочинений, как раз недавно вышедших из печати. Аксаков весьма сочувственно отзывается о поэзии Жуковского, говорит о важном ее значении, о прозаических сочинениях, помещенных в 11 томе, в которых наиболее отчетливо отражены религиозные настроения поэта. Но и здесь разговор о литературе оттесняется на задний план рассуждениями о проблемах общественных. Обзор сочинений Жуковского служит для Аксакова поводом высказать свое отношение к смертной казни. Этому вопросу посвящена большая часть статьи в № 14. Аксаков поражен тем, что Жуковский является сторонником смертной казни, которая, по мнению редактора «Молвы», и бесполезна, и аморальна. «Смертная казнь есть узаконенное убийство, но тем не менее убийство» (166). Она, по словам Аксакова, — свидетельство той дикости, которая еще сохранилась в людях.

Верный общим славянофильским концепциям, Аксаков и в данном случае стремится противопоставить воззрения Запада и славянских народов. Смертная казнь, признаваемая в Европе, по утверждению редактора «Молвы», «всегда была противна духу Славянского, собственно Русского племени» (166); ее не знали древние славяне, Владимир ввел ее, но вскоре отменил, она

«осуждена духом Русской народности. Вот наше Русское воззрение!» (167). Подобные заявления далеко не соответствовали фактам, были и неверны, и наивны. Но они не меняли общего страстного пафоса статьи, решительно отвергавшей смертную казнь с точки зрения и человеческой, и божественной справедливости. Объективно они очень напоминали те негодующие слова о смертной казни, которые позднее Достоевский заставит произносить Ивана Карамазова.

В неподписанной статье «Несколько замечаний на перевод «Одиссеи» Жуковским» (№ 38) с похвалой говорится о заслугах Жуковского-переводчика: «глубокая благодарность наша знаменитому переводчику за его бессмертный труд» (426). Но здесь же отмечаются и недостатки перевода. По мнению автора, Жуковский более точно мог бы передать дух древней Греции, используя шире обороты церковно-славянского языка и народной речи; у Жуковского же Гомер нередко подправлен, приноровлен к современности, за ним часто видна личность переводчика. Рецензент хвалит *Гомера Гнедича* и, видимо, отдает предпочтение его переводу «Илиады», как более близкой по духу подлиннику.

Обращается «Молва» и к имени Пушкина, весьма своеобразно истолковывая его стихотворения. Каких-либо общих высказываний о значении Пушкина в газете Аксакова не было, но видно, что редакция высоко ценит его творчество. Конкретно речь идет об отдельных стихотворениях Пушкина, и в этих отзывах отразилось и положительное отношение к нему, и попытки истолковать его произведения в славянофильском духе. Так в № 3 напечатано сообщение П. Н. Батюшкова «Новое стихотворение А. С. Пушкина», в котором идет речь о стихотворении «Краев чужих неопытный любитель», из бумаг друга Пушкина Н. И. Кривцова. Публикуя это стихотворение, автор заметки в примечаниях рассказывает его историю, говорит о Кривцове, о молодом Пушкине, любившем посещать Е. И. Голицыну, которая была известна в обществе «своим горячим патриотизмом, начитанностью, самобытным образом мыслей и жизни» (30). Стихотворение, по словам Батюшкова, значимо для биографии поэта, как свидетельство о настроении и мыслях молодого Пушкина. Для редакции «Молвы» важно, что «Краев чужих неопытный любитель И своего всегдашний обвинитель», увидев Голицыну, отказывается от своего обвинения, «И примерен с отечеством моим». Любовная лирика Пушкина переключается в общественно-национальный план, стихотворению придается обобщающий смысл; обращение к родному, разрыв с преклонением перед чужим объявляется главным итогом исканий молодого поэта. Об этом прямо и подробно в заметке не говорится, но пафос публикации именно таков. Он, конечно, расходился с реальным содержанием стихотворения. Однако стремление противопоставить

Пушкину-подражателю, безусловному хвалителю «краев чужих» Пушкина национального, народного, любящего свой край, не было безусловно неверным.

В контексте «Молвы» славянофильское звучание приобретала и заметка Б (П. И. Бартенева) «О стихотворении Пушкина «Странник»» (№ 10). Автор ее называл особенно замечательными стихотворения Пушкина религиозного содержания, написанные в последние годы жизни поэта. Бартенев относил к ним «Молитву», «Кладбище», «Когда великое свершилось» («Отцы пустынники...», «Стою печален на кладбище...», «Мирская власть»). Такие стихотворения, по его словам, отражали переходное состояние души поэта, когда окончательно устанавливался образ мыслей Пушкина. Бартенев отмечает интерес Пушкина в названные годы к «Житиям святых», к «Евангелию». В русле этого интереса он толкует и стихотворение «Странник», отмечая, что оно — переложение «Шествия странника» проповедника 17 в. Джона Беньяна. Он приводит рядом содержание «Шествия странника» и текст Пушкина, обращая внимание на их сходство.

Заметка Бартенева выясняла ценные детали, необходимые для понимания пушкинского «Странника». Ее в дальнейшем должны будут учитывать все комментаторы этого стихотворения. Но для редакции «Молвы» она близка прежде всего иным: своей трактовкой Пушкина как поэта и человека, преодолевшего (или, по крайней мере, преодолевавшего) к концу жизни былое вольномыслие в вопросах веры, обратившегося к религии, познавшего божественную истину.

К имени Пушкина обращаются В. П. Попов в статье «О театре» (№ 4). Он утверждает, что только пушкинская «Русалка» указала на истинный путь развития русского драматического искусства. Если театр пойдет по этому пути, то тогда не немногие избранные, а каждый русский человек будет жадно прислушиваться к тому, что говорится на сцене.

В № 4, в «Письме к редактору «Молвы»» за подписью «Сотрудник «Молвы» 1832 года» С. Т. Аксаков сообщает о предстоящем издании полного собрания сочинений Гоголя, включающем его огромную переписку. Он отмечает поучительность писем Гоголя, важность их для понимания биографии писателя. Такая ориентировка на переписку Гоголя была вообще типична для Аксакова. Уже в 1853 г., в статье «Несколько слов о биографии Гоголя», Аксаков указывал, что характер Гоголя «выражается совершенно» в его письмах: «в этом отношении они гораздо важнее его печатных сочинений»[6]. Считая, что Гоголь не менялся в своих убеждениях, Аксаков видит его развитие в том, что «его христианство становилось чище, строже; высокое значение цели

[6] С. Т. Аксаков. Собр. соч. в 4 тт. Т. 3, М., 1956, с. 606.

писателя — яснее, и суд над самим собою — суровее»[7]. Аксакову особенно близко в Гоголе сочетание лирически-художественной натуры с христианским анализом и самоосуждением, борьба этих двух начал, и подчинение первого второму. С подобным пониманием связана и заметка в № 4 «Молвы», отражавшая, видимо, и редакционное отношение к Гоголю.

Газета откликалась и на литературные произведения современных писателей. Прежде всего следует отметить сочувственный отзыв о «Губернских очерках» Салтыкова-Щедрина. О них идет речь в «Обозрении современных журналов» № 2. Редакция «Молвы» высоко оценивает «Губернские очерки», относя имя Н. Щедрина к числу наиболее замечательных новых литературных имен. Автор «Губернских очерков», по словам рецензента, «указал ярко и местами образно на болезни нашего общества. Хотя форма очерков и художественная, но очерки есть собственно, высоконравственная по цели, ораторская речь, обращенная к обществу» (20). Симпатии редакции привлекают, вероятно, и славянофильские тенденции, ощущающиеся в ряде очерков, и их антиадминистративный пафос, и критика темных сторон дореформенной России, и неприятие общественной апатии «талантливых натур». Но знаменательно, что в «Обозрении» говорится главным образом об ораторско-обличительном содержании «Губернских очерков», а не о художественном воплощении этого содержания. Более того, художественное мастерство очерков явно недооценивается обозревателем, не в нем он видит заслугу Щедрина.

Редакция «Молвы» обращается и к проблеме русского народного театра, останавливаясь в связи с этим и на творчестве Островского. В «Смеси» № 4, 5 опубликована большая статья В. П. «О театре». Автор ее указывал, что подлинное театральное искусство должно быть массовым, образовательным зрелищем, доставляющим эстетическое наслаждение и воспитывающим нравственно зрителей. Такого театра, по мнению В. П. (В. П. Попова) в России нет и никогда не было. Со своего появления, с Сумарокова, русский театр был далек от народной жизни, подражал французскому, Расину, переряжая его героев в русские кафтаны. Попов выделял комедии Фонвизина, Грибоедова, Гоголя, изображавших русских людей, но все же не низших классов, одетых в иностранное платье; к тому же в таких комедиях, по словам автора статьи, обрисованы только «невежды», «пошляки» или «негодяи». Попов находит, что подобная обрисовка в какой-то степени закономерна, вызвана стремлением дать отпор ложному направлению; в ней звучит горький смех над теми, кто оторвался от своей народности. Но изображение жизни с пози-

[7] Там же, с. 605.

ций отрицательного направления не может стать, с точки зрения Попова, целью русского драматического искусства.

Пьесы Островского рассматриваются в статье как продолжение того же направления; в них сильно отрицание, попытки же драматурга создать «светлые типы» оказались неудачными; в последних его произведениях виден не свободно творящий художник, а умный мыслитель, *доказывающий* свою мысль.

Не одобряет Попов и исключительного внимания Островского к сфере купеческого быта, считая, что это приводит его к односторонности. И все-таки пьесы Островского оцениваются в статье как самое яркое и отрадное явление современного театра. Подлинный же идеал Попов видит в следовании традиции пушкинской «Русалки», в обращении театра к жизни народа. В статье ощущается вера в будущее, в то, что теперь, «когда пробуждается в нас сочувствие и любовь к нашей Русской действительности <...> теперь возможно положительное к ней отношение и создание на драматической сцене не односторонних живых Русских типов» (49); тогда театр «будет действительно образовательным народным зрелищем, а не спектаклем для малого числа *избранных*» (49).

Взгляды на театр, высказанные в статье, отразили общие тенденции славянофильской идеологии. Здесь звучит недовольство «односторонностью» отрицательного направления. Сдержанность похвал Островскому объясняется, видимо, связью его с этим направлением, которое ставится в упрек и Фонвизину, Грибоедову, Гоголю. Автор провозглашает возможность «положительного отношения» к действительности, видя в нем основу для создания народного театра.

Однако рассуждения Попова о театре будущего, как и неприятие им театра прошлого и настоящего, содержали в себе много верного и значимого. Острие критики обращено не против «отрицателей», а против пустых переводных водевилей. Пьесы наиболее видных русских драматургов объявляются, хотя и с оговорками, лучшим, наиболее ценным театральным наследием. Находя творчество таких писателей односторонним, считая, что в будущем драматурги откажутся от подобной односторонности, Попов пытается обосновать условиями времени правомерность отрицательного направления. Верной была установка и на народный театр, на широкую аудиторию, на демократического зрителя и близкий ему репертуар. Интересно, что пьесы Островского славянофильского периода, попытки изобразить «светлые типы» Попов не находит удачными. Не встречает его сочувствия и стремление Островского ограничиться изображением купечества. Видимо, здесь подразумевается необходимость обращения драматурга к темам крестьянского быта. Характерны и акцентировка нравственно-воспитательных функций драматического искусства, и противопоставление театра для многих театру для

немногих, избранных. Знаменательно и то, что наибольшее приближение к идеалу народного театра Попов находит не в слащавых официально-патриотических пьесах, а в пушкинской «Русалке». Не случайно отдельные положения статьи перекликаются с выводами статьи Пушкина «О народной драме и драме «Марфа Посадница»»[8]. Они близки во многом более поздним размышлениям Толстого, трактату «Что такое искусство?»

Весьма иронически откликается «Молва» на произведение Гончарова «Фрегат Паллада». В статье Попова «Кругосветные путешествия г. Гончарова» (№ 12) с насмешкой рассказывается о том, что автор ничего не вынес из путешествия, что его путевые заметки повествуют лишь о кухне, сне, собственном самочувствии, что они сводятся к пустякам личной жизни его автора». В то же время Попов отмечает талант Гончарова, израсходованный «на эти пустяки», живость и увлекательность его рассказа.

Оценка «Фрегата Паллады» в «Молве» была прямолинейно-упрощенной. Не случайно она расходилась с большинством отзывов о книге Гончарова[9]. Тем не менее недооценка путевых очерков объяснялась тем, что, с точки зрения рецензента «Молвы», они не имели общественной ценности, воспитательного значения, были чем-то вроде «искусства для искусства». Попов ошибался, воспринимая «Фрегат Палладу» в таком ключе, но следует помнить, что осмысление произведения Гончарова как чисто художественного, противопоставленного общественным проблемам, отрицательному направлению встречается не только в славянофильской газете[10]. Дудышкин, Дружинин хвалили за это автора «Фрегата Паллады», Попов порицал. И его порицание, при всей ошибочности его, определялось представлением о высоком общественно-нравственном значении литературы.

Весьма иронически в «Библиографии» № 8 говорится и о произведениях поэта школы «чистого искусства» Н. Ф. Щербины, об его антологических стихотворениях в древне-греческом духе, особенно об его сатирах. Бойкий и звонкий стих Щербины, по словам рецензента, редко проникнут поэтическим чувством.

Упоминая в «Библиографии» № 8 о повести Ю. Жадовской «В стороне от большого света», С. Т. Аксаков, в заметке, подписанной псевдонимом «Сотрудник «Молвы» 1832 года», с похвалой отзывается и о повести, и о стихотворениях Жадовской. Напомним, что стихотворения Жадовской и ее повесть хвалил Добролюбов в № 6 «Современника» за 1858 г. в заметке «Стихотворения Ю. Жадовской». Аналогичный отзыв о поэзии Жадовской встречается и у Чернышевского, в черновике статьи

---

[8] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10 тт. Т. VII, М., 1964, с. 211—227.
[9] См. А. Г. Цейтлин. И. А. Гончаров. М., 1950, с. 142—146.
[10] Там же с. 143—145 об отзывах Дудышкина и Дружинина.

«Стихотворения графини Ростопчиной». По словам Чернышевского, в каждом из стихотворений Жадовской «вы найдете поэзию, потому что они действительно выражают неподдельные чувства женской души»[11].

В «Молве» печатаются иногда сообщения, касающиеся зарубежной литературы. В «Смеси» № 9 с похвалой рассказывается о публичных чтениях в Киеве профессора Селина, посвященных европейской средневековой поэзии. В «Библиографии» № 8 с сочувствием говорится о намерениях Гербеля издать переводы Шиллера.

Таким образом, литературно-критические воззрения редакции «Молвы» отнюдь не являлись мракобесными, прямолинейно-реакционными, не были направленными против крупных явлений реалистической литературы. Тем не менее общая славянофильская концепция определяла литературные симпатии аксаковской газеты, сказываясь и в подчеркнуто тенденциозном истолковании анализируемого материала, и в отборе имен, произведений, в откликах на одно, в умолчании о другом. В целом же литературная критика «Молвы», занимая значительное место, не стала, вопреки программным заявлениям редакции, одним из ведущих отделов газеты.

[11] Н. Г. Чернышевский, т. 3, с. 836.